

Ананьева Оксана Алексеевна

аспирантка Смоленского государственного
университета
proverka0072007@yandex.ru

Ananyeva Oxana Alexeevna

post-graduate student of
Smolensk State University
proverka0072007@yandex.ru**МОНАШЕСТВО И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ****MONASTICISM AND CHRISTIANIZATION****Аннотация:**

Период поздней античности важен для понимания всего дальнейшего развития западной цивилизации. Данная статья посвящена исследованию ряда аспектов одного из важнейших процессов IV в. – христианизации Римской империи. Автор анализирует влияние монашества на распространение и укрепление христианства и приходит к выводу, что это влияние было неоднозначным.

Ключевые слова:

античное христианство, монашество, христианизация.

The summary:

The period of Late Antiquity is important for understanding of all the further development of the Western civilization. This article is devoted to the research of some aspects of one of the major processes of IV century – Christianization of Roman Empire. The author analyzes the influence of monasticism on distribution and strengthening of Christianity and comes to the conclusion that this influence was ambiguous.

Keywords:

ancient Christianity, monasticism, Christianization.

IV в., несомненно, можно считать одним из важнейших периодов в истории христианской церкви. С событий начала IV в., получивших в историографии название «Константинова революция», начинается легальная христианизация. Правда, еще многие десятилетия продолжалось соперничество с христианством традиционных римских верований. Помимо официальной политики императоров в отношении христианства существовало множество иных факторов как способствовавших распространению христианской веры, так и препятствовавших её укреплению. В данной статье мы попытаемся на конкретных примерах выяснить, как влияло на процесс христианизации монашество, возникшее в конце III – начале IV вв.

Мнение о том, что монашество явилось фактором, укрепляющим церковь, высказывалось неоднократно. «Римский епископ достиг своей победы над государством и миром главным образом с помощью аскетизма и монашества», – пишет В.И. Герье [1, с. 3]. Подобной точки зрения придерживается автор современной монографии Н.Ф. Усков: «Очевидно, что между прогрессом христианизации, прежде всего так называемой «внутренней» христианизации и развитием монашества существует прямая зависимость. Более того, основание монастырей есть симптом углубления христианизации» [2, с. 423].

Действительно, монахи являлись активными проповедниками христианства. Как в житиях святых, так и литературе, посвященной раннему монашеству, мы можем найти многочисленные примеры обращения монахами языческого населения. Так, согласно Сократу Схоластику, иберийцы приняли христианство после исцеления сына вождя пленницей – христианкой, придерживающейся аскетического образа жизни (Socr. I. 20). Другой случай: два монаха Макария были сосланы на языческий остров в Дельте. Однако после того, как они исцелили одержимую нечистым духом дочь языческого жреца, островитяне разрушили языческий храм и построили на его месте церковь, – писал в Истории Монахов Руфин (Ruf. Hist. Monach. XXIX), тот же эпизод с новыми подробностями приводят Созомен и Палладий (Soz. VI. 20; Pall. Laus. 18–19). Узнав о Пахомии, многие стремились к общению с ним, и, как пишет П. Казанский, многие из язычников увлеклись беседами и крестились [3, с. 223].

Но самым ярким примером, вероятно, будет история крещения Августина, которую он приводит в своей «Исповеди» (Aug. Conf. VIII. VI–VIII). Августин жил на грани двух миров – римско-языческого и христианско-европейского [4, с. 5]. Из исповеди мы узнаем, что образ жизни молодого Августина был весьма далек от христианского: его привлекали театральные зрелища, он мечтал о форуме с его тяжбами, а священное писание находил непонятным и непривлекательным. Он познакомился с учением Аристотеля, идеями Платона, находился под влиянием манихеев, а после знакомства с епископом Амвросием Медиоланским все больше склонялся к христианству. Тем не менее даже тогда Августин пишет: «Вера моя была иногда крепче, а иногда слабее» (Ibid. VI. 7). И только рассказ случайного знакомого Понтициана об отшельниках, о которых до этого Августин не знал, укрепил его в стремлении к правильной и даже аскетичной жизни. Понтициан не только рассказал о «толпах монахов и об их нравах, о пустынях, избилу-

ющих отшельниками», о городском монастыре в Медиолане и Трире, о которых Августин также ничего ранее не слышал, Понтициан рассказал о двух своих товарищах, вероятно, сенаторского или всаднического сословия, которые познакомившись случайно с жизнеописанием святого Антония, настолько впечатлились его примером, что приняли решение тут же покинуть службу и стать монахами (Aug. Conf. VIII. 6–7).

Для Августина знакомство с образом жизни христианских монахов явилось переломным моментом. Он не порвал резко с предыдущим образом жизни, некоторое время еще преподавал риторику, но в его «Исповеди» показано, что уже было принято решение креститься, и вскоре это желание осуществилось в Милане (Aug. Conf. IX. I–VI).

В то же время аскетический идеал, в ряде случаев, казался недостижимым, и само наличие такого идеала иногда не только не способствовало, а напротив, мешало крещению. Иллюстрирует данное утверждение вновь пример из Августина. Верекунд, друг Августина, тосковал, глядя на счастье, охватившее друзей при крещении. Он не был христианином, но был женат на христианке. Развестись с женой он не мог, а креститься, будучи женатым, считал невозможным (Aug. Conf. IX. III. 5). Таким образом, идеалы аскетизма, девства и безбрачия, которые активно распространялись многими христианскими авторами, не всегда давали положительный результат.

Как отмечает П. Браун, в то время нередко быть христианином означало быть аскетом. Многих устраивало быть новообращенными, и они не хотели большего. Ведь стать христианином обычно означало придерживаться аскетического образа жизни и определенных нравственных норм [5, с. 618].

Влияние аскетизма и монашества, исходя из вышесказанного, на христианизацию было двояко: с одной стороны, благодаря деятельности и примеру аскетов и монахов, многие обратились в христианство, с другой – крайний аскетизм отпугнул некоторых желающих принять крещение.

Тем не менее миссионерство монахов – факт, не подлежащий сомнению. В христианском миссионерстве ряд ученых даже видит истоки современного универсализма, так как монахи крестили людей независимо от их происхождения и цвета кожи [6, р. 464]. И даже приняв во внимание вероятную гипертрофированность сведений, содержащихся в житиях монахов и ранних церковных историях, можно утверждать, что миссионерская деятельность монахов имела место и способствовала популярности христианства и увеличению численности христиан.

Помимо миссионерской деятельности, способствовавшей распространению христианства вширь, следует отметить, что монашество способствовало и укреплению веры благодаря развиту и поощрению паломничества. Причем, паломников становиться все больше и больше. Один из отцов церкви Иероним Стридонский, который вел монашеский образ жизни в Палестине, при своем монастыре начал строить гостиницу, жалуясь на стекающихся со всего света монахов и паломников. Средств на строительство не хватало, и он вынужден был послать брата Павлиниана в родной Стридон, чтобы тот продал уцелевшие родительские поместья (Hier. Ep. LXVI. 2). Данный пример подтверждает разнообразие способов содействия монахов процессу христианизации, в том числе – оборудование мест паломничества к святым местам за счет личных средств, что в период кризиса империи было немаловажно.

Монашество активно боролось с ересями. Самым ярким доказательством этого является поддержка монахами ортодоксально настроенного епископа Афанасия Александрийского. Египетские монахи не раз укрывали опального епископа в пустыне, когда императоры оказывали поддержку арианам. Монахи таким образом поддерживали в это непростое время никейское христианство.

Но Афанасий, при всем его уважении к монахам, считает, что на официальном поприще человек приносит больше пользы, чем удалившись от мира. Особенно ясно его мнение выражено в письме Драконтию, который против своего желания был посвящен в сан епископа Гелопольского, а затем убежал с кафедры и вернулся в любимую пещеру. Афанасий порицает побег и призывает Драконтия вернуться и занять свой пост. Афанасий перечисляет имена многих монахов, сделавшихся епископами, и считает при этом, что на новом поприще они принесли больше пользы, чем будучи монахами. «Сколь многих отвратили они от идолов! – отмечает Афанасий, – Сколь многих убедили отстать от сего демонского обычая! Скольких рабов представили господе! Не великое ли это знамение – сделать, чтобы юная дева хранила девство, и юноша хранил воздержание, и идолослужитель познал Христа?» (Athanasius. Ep. Drac).

Говоря о монашестве, нельзя не отметить радикально и воинственно настроенных монахов, которые были готовы действовать любыми способами. Возможно, к монахам иногда присоединялись маргинальные, агрессивные настроенные личности с готовностью, подхватывающие любой разрушительный призыв. Например, Либаний в речи императору Феодосию пишет о монахах, «которые спешат к храмам, вооружившись камнями и ломом» (Lib. Or. XXX, 8), причем,

Либаний отмечает, что в то время пока одни рушат храмы, другие похищают у бедняков их имущество. По мнению автора, это война с земледельцами (Lib. Or. XXX, 13). В 389 г. был разрушен один из символов язычества – храм Серапсиса, причем монахи приняли в его разрушении активное участие (Eunap. VS, 471–472). Но, наверное, самое известное преступление монахов – убийство александрийской женщины – философа – Ипатии. Даже христианский автор Сократ Схоластик отмечает, что это причинило немало скорби александрийской церкви (Socr. Hist. Eccl. VII. 15). Монашество, таким образом, к началу V в. продемонстрировало свой, далекий от смирения характер и методы распространения и укрепления христианства, которые трудно оценить положительно и которые, возможно, отвратили от вступления в христианство многих сомневающихся.

В то же время монахи, которые вели суровый аскетический образ жизни и заботились о больных, нищих и странствующих, о вдовах и сиротах, которые в народе начинают считаться посредниками между небом и землей и заступниками перед Богом, несомненно, способствовали укреплению позиций христианства и тем самым дальнейшей христианизации.

Привлекало монашество в ряды христиан и женщин. Христианская церковь с древних времен поощряла женщин играть по отношению к бедным независимую общественную роль: они лично подавали милостыню, посещали больных и от своего имени основывали гробницы и богадельни [7, с. 59]. Однако, несмотря на накопленные богатства и неформальный авторитет сенаторских наследниц, общественных прав они не получили [8, с. 39]. Возможно, не имея больших возможностей реализовать себя в обществе, женщины пытались найти такие возможности в церкви и конкретно в монашестве. Благотворительная деятельность, пожертвования давали им своего рода статус гражданской идентичности.

Раннее монашество – явление обширное и многоплановое, первые монахи – это и представители отшельничества, и бродячие аскеты, и христиане, стремившиеся к общежитийным формам организации жизни. Монашество в IV в. еще не нашло своего места в структуре церкви, не являлось оно пока и субъектом церковного права. Во многом стихийный характер монашества, разнообразие социального состава, полярные представления о монахах, имевшие место в позднеантичную эпоху, – все это говорит о неоднозначном влиянии монашества на общецерковные процессы.

Естественно, деятельность монахов можно рассматривать лишь как вспомогательное средство христианизации, и зачастую лишь государственная власть путем прямых запретов способствовала искоренению язычества. Указы Феодосия, подтверждающие Никейское христианство (СТh XVI. 1. 2; XVI. 5. 6), законы против арианства (СТh XVI. 1. 3; XVI. 5. 11–12), введение штрафов за поклонение древним богам (СТh XVI. 10. 11) подтверждают роль государства в христианизации империи. Постановления церковных соборов, миссионерство, деятельность монахов играли важную роль, но результат церковной политики, успехи христианизации римского общества зависели от взаимоотношения Церкви со светскими властями.

Ссылки:

1. Герье В.И. Западное монашество и папство. М., 1913.
2. Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. СПб., 2001.
3. Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М., 2000
4. Герье В.И. Западное монашество и папство. М., 1913.
5. Brown P. Asceticism: Pagan and Christian // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge, 1998.
6. Angenendt A. Toleranz und Gewalt: Das Christentum zwischen Bibel und Schwert. Munster, 2007.
7. Браун П. Культ святых и его становление в латинском христианстве. М., 2004.
8. Там же.

References (transliterated):

1. Ger'e V.I. Zapadnoe monashestvo i papstvo. M., 1913.
2. Uskov N.F. Hristianstvo i monashestvo v Zapadnoy Evrope rannego srednevekov'ya. SPb., 2001.
3. Kazanskiy P.S. Istoriya pravoslavnogo monashestva na Vostoke. M., 2000
4. Ger'e V.I. Zapadnoe monashestvo i papstvo. M., 1913.
5. Brown P. Asceticism: Pagan and Christian // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge, 1998.
6. Angenendt A. Toleranz und Gewalt: Das Christentum zwischen Bibel und Schwert. Munster, 2007.
7. Braun P. Kul't svyatyh i ego stanovlenie v latinskom hristianstve. M., 2004.
8. Ibid.